

УДК 81.373.211.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-207-215

Микротопонимы-локативы нижнего Прииртышья как результат межэтнических контактов

М. Г. Бакшеева

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
baksheeva.marina@yandex.ru*

Ю. В. Исламова

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
islyv@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Пространственные отношения представляют собой одну из основных координат, которая формирует картину мира человека. В современной лингвистической литературе такое сложное явление, как пространство, до конца не познано, имеет далеко не полное и исчерпывающее объяснение и описание. Несмотря на то, что географические наименования, указывающие на расположение одного объекта относительно другого (других) составляют функциональное ядро любой топонимической системы, научных работ, в которых представлены основные параметры описания пространства в топонимии, немного. Именно поэтому предметом исследования стали основные виды локативных именованных географических объектов, отмеченные на территории нижнего Прииртышья. Актуальность проводимого исследования обусловлена необходимостью выявления и систематизации языковых средств (лексических и грамматических), выражающих семантику пространства в топонимической системе исследуемой территории. В составе микротопонимов зафиксированы апеллативы с финно-угорскими, тюркскими, русскими по происхождению корнями, что, безусловно, отражает этнокультурные аспекты взаимодействия народов на территории полиэтничного региона, свидетельствует о межэтнических языковых контактах.

Цель: выявление и систематизация средств языковой репрезентации категории локативности в топосистеме нижнего Прииртышья.

Материалы исследования: полевые записи, зафиксированные на территории Тобольского района и в устье р. Конда.

Результаты и научная новизна. В результате анализа 146 микротопонимов-локативов были выявлены и систематизированы три пространственные модели: верх-низ; близость-удалённость; стороны горизонта / пространственные координаты (север-юг, запад-восток), выражающие расположение географического объекта по вертикали и горизонтали, воплощённые в топонимической системе нижнего Прииртышья различными языковыми средствами – лексическими и грамматическими. Новизна исследования видится в том, что впервые выявлена и описана система локативных топонимов нижнего Прииртышья в аспекте национально-культурного восприятия пространства.

Ключевые слова: микротопоним, категория локативности, топонимическая пространственная модель, нижнее Прииртышье, местный географический термин, межэтнический контакт, субстрат.

Для цитирования: Бакшеева М. Г., Исламова Ю. В. Микротопонимы-локативы нижнего Прииртышья как результат межэтнических контактов // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 207–215.

Microtoponyms-locatives of the Lower Irtysh region as a result of interethnic contacts

M. G. Baksheeva

*Yugra State University, Khanty-Mansiysk,
Russian Federation,
baksheeva.marina@yandex.ru*

Yu. V. Islamova

*Yugra State University, Khanty-Mansiysk,
Russian Federation,
islyv@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: spatial relations are one of the main coordinates that form a picture of the human world. In the modern linguistic literature, such a complex phenomenon as space is not fully understood and it has far from a complete and exhaustive explanation and description. Despite the fact that geographical names that indicate the location of one object relative to another (others), form the functional core of any toponymic system, there are few scientific papers that present the main parameters of the description of space in toponymy. That is why the main types of locative names of geographical objects marked on the territory of the Lower Irtysh region became the subject of research. The relevance of the research is determined by the need to identify and systematize the linguistic means (lexical and grammatical) that express the semantics of space in the toponymical system of the territory under study. The micro-toponyms contain appellatives with Finno-Ugric, Turkic, and Russian roots, which, of course, reflect the ethno-cultural aspects of the interaction of peoples in the territory of the multi-ethnic region, and indicate inter-ethnic language contacts.

Objective: to identify and systematize the means of linguistic representation of the category locativity in the toposystem of the Lower Irtysh region.

Research materials: field data recorded in the territory of Tobolsk District and at the mouth of the Konda River.

Results and novelty of the research: as a result of the analysis of 146 microtoponyms-locatives, three spatial models were identified and systematized: top – bottom; proximity – distance; sides of the horizon / spatial coordinates (North – South, West – East), expressing the location of a geographical object vertically and horizontally and embodied in the toponymic system of the Lower Irtysh region by various linguistic means – lexical and grammatical. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time the system of locative toponyms of the Lower Irtysh region is identified and described in the aspect of national and cultural perception of space.

Key words: microtoponym, category of locativity, toponymic spatial model, Lower Irtysh region, local geographical term, interethnic contact, substrate.

For citation: Baksheeva M. G., Islamova Yu. V. Microtoponyms-locatives of the Lower Irtysh region as a result of interethnic contacts // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (2): 207–215.

Введение

Топонимы – национально и культурно маркированные языковые единицы, вербализующие окружающее человека пространство, отражающие этнокультурные аспекты взаимодействия народов, свидетельствующие о межэтнических языковых контактах. Языковая картина мира каждого народа может отражать результаты освоения человеком пространства, репрезентируемые топонимическими средствами. Культура и язык этноса неизбежно попадают под влияние языка и культурных традиций тех народов, с которыми происходит активное взаимодействие, особенно это актуально для полиэтнических регионов. Реконструкция топонимической картины мира, в которой предстаёт окружающая действительность, территориальное пространство, изучение тенденций и механизмов взаимодействия этнокультурных контактов, зафиксированных в региональной топонимии, – перспективные и актуальные направления теории языка и на сегодняшний день. Специфика топонимической системы Прииртышья в том, что она включает в себя финно-угорский субстрат, тюркский адстрат и русский пласт.

Географические наименования, указывающие на расположение одного объекта относительно другого (других) составляют функциональное ядро любой топонимической системы, поэтому предметом исследования стали основные виды локативных именовании географических объектов,

отмеченные на территории нижнего Прииртышья.

В науке о языке однозначно не определены не только понятие пространства, но и состав тематической группы «Пространство». Одни исследователи (Г. В. Колшанский, В. В. Мартынов, Х. Кесарес, В. К. Арсеньев, Н. Н. Болдырев и др.) понимают её состав широко, включая все лексемы, имеющие пространственную сему в структуре лексического значения. Другие (С. Ю. Богуславская, Р. Гжегорчикова, С. Ю. Семенова, Б. Топшвич и др.), в их числе и авторы статьи, – узко, только те случаи, когда речь идёт о локативном местоположении объекта.

Категория локативности является важнейшей в лингвокультуре любого языка, однако она не так давно привлекла внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В работах Т. Н. Маляр [12], В. А. Плуныяна [15], А. А. Зализняк [7], Ю. Н. Хоружей [23], М. В. Всеволодовой [4], Л. Н. Федосеевой [21], Д. Ли [11], Ф. М. Лельховой [10], Э. Гениш [5], У. Н. Базаровой [1], Д. М. Печко [14], Н. Н. Морозовой [13], S. Karabaeva [24], N. A. Shelikova [27], M. Lemmens [25], S. Zeman [28] описано, как данная категория отражается в языке.

Пространственные отношения представляют собой одну из основных координат, которая формирует картину мира человека. Учёные считают, что пространство существует только во взаимосвязи с объектами, их взаиморасположением, локализацией, которая может быть как абсолютной

(общепризнанные ориентиры: стороны света, географические объекты и т. д.), так и относительной (ориентир задаётся говорящим и его положением в пространстве). Поскольку функция выражения пространственных отношений первична для названий, в статье речь пойдёт об абсолютной локализации, передающейся с помощью имён собственных, в том числе микропонимов, и географического ландшафта.

В настоящее время работ, в которых представлены основные параметры описания пространства в топонимии, немного – их исследуют Е. Л. Березович [2], С. П. Васильева [3], Н. А. Прманова [17], Е. Н. Полякова [16], Е. А. Сундукова [19], Ю. В. Зверева [8; 9], А. М. Гребнева [6], А. Loma [26] и др.

Материалы и методы

В работе использованы материалы картотеки на основе полевого сбора на территории Тобольского района в 1998–2000 гг. и в устье р. Конда в 2008–2009 гг.

В числе методов: географический, статистический, этимологический, формантный, структурно-семантический и морфемно-словообразовательный анализ, полевой сбор.

Результаты

Пространственные модели, выражающие расположение географического объекта по вертикали и горизонтали, воплощены в топонимической системе нижнего Прииртышья различными языковыми средствами – лексическими и грамматическими.

Языковой материал, подвергнутый анализу, показал, что на исследуемой территории функционируют три пространственные модели топосистемы: 1) верх-низ (является базовой для анализируемой территории); 2) близость-удалённость; 3) стороны горизонта / пространственные координаты (север-юг, запад-восток).

Под пространственной моделью, мы вслед за Ю. В. Зверевой [8], понимаем «представление носителя языка о положении географического объекта в пространстве, выраженное с помощью языковых средств».

Пространственная модель «верх-низ»

I. Микропонимы, отражающие словообразовательную категорию локативности

В образовании микропонимов используются два способа топонимобразования – префиксация и суффиксально-префиксальный способ. Предлоги и приставки, иногда осложнённые

добавлением суффикса, переводят локальную и предметную номинацию в область собственно пространственных отношений.

Самая распространённая словообразовательная модель – приставка / реже предлог ПОД + существительное / прилагательное в форме винительного или творительного падежа. В основном подобного рода топонимы именуют сельскохозяйственные объекты, которые расположены вблизи / ниже / по направлению населённого пункта, реки, дороги, леса, возвышенности, болота.

Предлог ПОД – 12 номинаций:

Под Старицей, луга. Термин используется в значении «оставленное русло реки, образующее курью»;

Под Увалом, поле. На исследуемой территории увал – «возвышенность с пологими склонами, косогор, спуск с горы»;

Под Талом, покос, тал, тальник, талина, заимствованные из тюркских языков [20] – в окрестностях Тобольска – «место, где растёт молодая ива»;

Приставка ПОД используется гораздо чаще – 45 номинаций.

Префиксация (15):

Подсогра, местечко у подножья сопки (село Ушарово), местный географический термин *согра* в окрестностях Тобольска полисемантичен, нами фиксируются значения – «возвышенность в болоте, грива, непроходимый, смешанный лес в болоте». Большая часть топонимистов относят к финно-угорскому субстрату [16];

Подверетье, поле, местный географический термин на исследуемой территории чаще встречается в значениях «возвышенность между низинами», «грива», «полоска леса между болот»;

Подъяр, обрыв. Тюркский по происхождению местный географический термин [20] яр – на территории Тоболо-Иртышского бассейна сохраняет значение «крутой берег реки».

Префиксально-суффиксальный способ (28)

Под + н, значение суффикса – признак или свойство, относящиеся к предмету, названному исходным словом, – (11)

Подмысное, поле, Подмельничное, покос.

Под + иц (суффикс придаёт существительным женского рода уменьшительно-ласкательное значение) – (6)

Поддубровица, озеро, в деревнях Усольцева, Корицова, Савина, Ушарова термин дуброва прирастает дополнительными значениями – «непроходимый хвойный лес», «сосновый лес», «ряд

деревень или часть деревни, расположенные в лесу».

Под + j (собирательный суффикс, обозначающий место, названное производящей основой) – (3)

Подкрёжье / Подкряжье, покос, где крёж / кряж – «возвышенность»;

Под + к (либо суффикс субъективной оценки, либо суффикс, указывающий на образование существительного женского рода от соответствующего имени существительного мужского рода – увал) – (1)

Подувалка, речка.

Под + (яж) ок (со значением уменьшительности) – (1)

Подболоток, урочище;

Предположительно, изначально все названия были предложно-падежными конструкциями, о чем свидетельствует название в двух вариантах: Под Путик / Подпутик, лес.

Значительно меньше зафиксировано названий с предлогом / приставкой **НА-**, которые обозначают «нахождение на поверхности места, пространства, в пределы которых направлено движение» – 13. Из них только два названия сельскохозяйственного объекта образованы префиксально-суффиксальным способом от географического термина *гора* по модели **На + н**:

Нагорная Пашня, поле;

Нагорные, сенокосы.

На Дуванном, сенокос в деревне Бекеревка, заимствованный из тюркских языков [20], «дуван» в русских народных говорах, в том числе и на исследуемой территории, определяется как «возвышенное, открытое место»;

На Ряму, лес на болоте (деревня Русские Медянки), местный географический термин прибалтийско-финского происхождения [20] на исследуемой территории многозначен, нами зафиксированы «зыбкое, непроходимое место, кустарник / лес в болоте, низине»;

На Илу, поле (деревня Зоркальцева), ил – на исследуемой территории имеет значение «вязкое, топкое место, обычно по берегам водоёмов». Обратим внимание, что существительные почти всегда в форме предложного падежа, только в микропонимах На Ил и На Бор использована форма винительного. Если сравнить На Илу и На Ил, чётко видны смысловые различия: в первом случае поле находится на территории топообъекта, во втором – покос расположен по направлению, по пути к нему.

Нечасто встречаются и микропонимы, образованные по модели *предлог / приставка ПО + прилагательное* (качественное / относительное / притяжательное), в том числе входящее в состав онима по типу словосочетания, или *существительное* (географический / местный географический термин).

Зафиксированы 7 названий, из них только одно образовано при помощи префиксального способа: Поверетьи, покос.

В онимах По Старому Прогону, По Северной Гриве, По Стенной (Гриве), По Худяковой (Гриве) нам видится двойная локативность.

Отдельно в рамках рассмотренной пространственной модели стоит сказать об обско-угорских гидронимах с детерминативами *сор, пай*:

Сор Ворунай (Ворьпай), заливной луг;

Ворунай, озеро;

Ворцоп, озеро;

Географический термин *сор*, этимология которого не является до конца определённой, в топонимии обозначает «луг, затопляемый во время весеннего разлива рек, имеющий сообщение с рекой, и используемый после высыхания в качестве покоса». По мнению Н. К. Фролова, форма *сор* наряду с *тор* является диалектной разновидностью хантыйского языка [22]. Компонент *вор* может восходить к хантыйскому *вори* «старица, озеро на месте бывшего русла реки» [18]. Географический термин *пай* – «бугор, холм» [18]. Название *Ворунай*, таким образом, может означать «Остров старицы». По второй версии топоним может обозначать дальнюю часть озера и восходить к хантыйскому *вори пати* «дальняя часть озера» [18]. Заметим, что в таком семантическом варианте наименование можно рассматривать и в рамках модели близость-удаленность / расположение объектов по горизонтали.

В гидрониме *Ворцоп* значение финального компонента нельзя определить однозначно вследствие фонетического переосмысления слова. Можно предположить, что конечный компонент *цоп* восходит к хантыйскому *санэл* «шея» [18]. В хантыйской топонимии слово *санэл* может обозначать «перешеек», т. о., возможно, *Ворцоп* «Перешеек озера», т. е. озеро, сужающееся в какой-либо его части.

Таким образом, субстратные названия хантыйского происхождения представляют собой ранний пласт и функционируют в адаптированном к нормам русского языка виде. О народно-

этимологическом переосмыслении хантыйских географических названий, функционирующих в речи русских, свидетельствуют записанные легенды о появлении топонимов. Озеро **Ворунай** расположено в окрестностях посёлка Тюли, около него в 1930-е годы была организована артель по вылову рыбы. В неё входили местные жители, а также люди, сосланные на поселение в соседний посёлок. Вся выловленная рыба делилась на две части, большая часть из которых отходила государству, а другая – рыбакам. Улов, предназначенный рыбакам, делили поровну на всех членов артели. Ссылные (в народе – воры) наравне с другими рыбаками получали свою долю – **пай**. Отсюда название **Вору пай**. По другой версии в артели было два рыбака, которые и свой законный пай получали и рыбу воровали, т. е. воровали пай.

Относительно названия озера **Воруцон** также существует легенда, основанная на схожести звукового облика названия с русскими словами **вор** и **цон (цан)** – слова, обозначающего резкое хватательное движение. Согласно легенде, вся выловленная рыба, которую добывала артель, делилась поровну между рыбаками. Но завёлся в артели один нечистый на руку рыбак, который повадился воровать рыбу, а попросту «цеплять» – так объясняется второй компонент слова – **цон**.

Изложенные выше легенды, являются попыткой интерпретации иноязычных названий средствами русского языка.

II. Микротопонимы, в составе которых лексемы низ (нижний), верх (верхний)

Номинативные единицы (17), включённые в данную группу, для авторов – топонимические конверсивы – трансформированные в оним без изменения звуковой оболочки апеллятивы, явление полисемии, представленное в топонимической системе в основном метонимией, переносом значения по смежности объектов.

Термин Низ функционирует в топонимической системе нижнего Прииртышья в двух формах – НИЗ и НИЗЬ, обе формы встречаются в самостоятельном дискретном употреблении, обозначая соответствующие объекты по вертикали, отмечена и форма множественного числа:

Низ / Низь / Низы, болото, поле, покос, низкое местечко.

Ещё больше прилагательных (в полной и стяжённой форме, единственного и множественного числа), обозначающих объекты, находящиеся в низине, расположенные вниз по течению Иртыша:

Низовые / Нижные / Нижны, покосы, поля, сенокосы;

Нижний / Нижное / Нижнее / Нижняя / Нижной, остров, мыс, поле, устье, речка, исток;

Нижна / Нижно речка, озеро.

Термин Верх / Вершина (10) используется в топонимическом образовании региона как дискретно, так и посредством производных прилагательных:

Верх / Верьха / Вершина, сенокос, высокое место, поле, овраг, улица (г. Тобольск);

Верхняя / Верховое / Верхней / Высошное, речка, озеро, исток, озеро.

Пространственная модель «близость-удалённость / расположение объектов по горизонтали»

Данная модель представлена 17 микротопонимами. Нечасты в наших материалах топонимическое образование по модели приставка / предлог ЗА, «нахождение по ту сторону или за пределами того, что названо исходным словом» + существительное (орографический / гидрографический объект) + суффикс –Н – 11:

Завальное, предместье, кладбище, дорога (территория г. Тобольска), названия относятся к одним из самых древних в Тобольске, иллюстрирующих историческое прошлое города. Вал в своё время служил границей Тобольского острова, а все, что располагалось за его границей (за валом) именовалось Завальным – деревня, дорога, кладбище. Когда границы расширились и вал оказался в черте города, всю часть этой территории, предместье, стали называть За Вал / Завал или Завальной.

Закурийная, дорога (деревня Овсянниково), лексема курья относится к финно-угорскому субстрату и обычно объясняется как заимствованное из коми «залив» [20]. В современном употреблении на территории Тобольского и Уватского районов бытует в значениях «заводь, протока, пересуха, постоянный или временный речной залив»;

Залыва, поле (село Санниково), функционирующее на территории нижнего Прииртышья значение «болото» является вторичным, этимологически термин восходит к финским языкам *liiva* – «ил, тина, грязь» [20];

За Карагай, луг, покос (деревня Ахманай), у Фасмера [20] находим этимологию слова – из тур. «вяз, собственно чёрное дерево», на территории Прииртышья термин обозначает «сибирскую лиственницу»;

За Боярачки, лес (деревня Малая Кугаева), этимологически восходящий к тюркским языкам [20] географический термин «боярак / баярак / боерак / буерак» со значением «овраг» встречается повсеместно на территории Тоболо-Иртышского бассейна;

За Трундой, поле (деревня Нижние Аремзяны), трунда – местный географический термин со значением «торфяное болото», Фасмер [20] считает, что термин происходит из финно-прибалтийских языков и этимологически восходит к финскому «высокая безлесая гора», саамскому «гора»;

За Лайдой, сенокос (деревня Кузьмина), термин чрезвычайно распространён на исследуемой территории в значении «отлогое место близ берега реки, во время разлива занимаемое водой», исходным значением является, очевидно, «ил, прибрежная мель», что соотносится с финского *laito*, вепского, эстонского *laid*, по мнению Фасмера [20];

Три названия сельско-хозяйственных объектов образованы по модели *приставка / предлог МЕЖ / МЕЖДУ + географический / местный географический термин*:

Между Озёр, покос;

Межколки, покос;

Межуречки, поле.

Всего 2 топонима образованы с использованием *приставки / предлога ПРИ*, обозначающей пространственную смежность объектов, непосредственную близость:

Пригорное, поле;

При луки, место.

Один раз встретилось в наших материалах использование предлога – **В**, указывающего на расположение объекта внутри чего-то:

В Култуке, поле (д. Надцы), термин *култук* пришёл в русский из тюркских языков [20], где обозначает «залив». На исследуемой территории нами зафиксированы значения: «узкое место в течении реки, слепой залив, затон в устье реки».

Пространственная модель

«стороны горизонта / пространственные координаты (север-юг, запад-восток)»

Данная модель представлена в наших материалах только тремя наименованиями, образованными способом топонимической конверсии.

Северный, лог;

Северная, речка, губа на озере Большое Карасье.

Обсуждение и заключение

Реконструкция топонимической картины мира, в которой предстаёт территориальное пространство, отражение этнокультурных контактов,

– приоритетная задача современной топонимической науки. Наши наблюдения в этом направлении позволяют сделать следующие выводы:

1. В состав русских по употреблению микро-топонимов-локативов входят разные по происхождению лексемы с финно-угорскими, тюркскими и русскими корнями, что, в совокупности с зафиксированными в народном фольклоре попытками интерпретации иноязычных названий средствами русского языка, безусловно, свидетельствует о межэтнических контактах. Из 146 микро-топонимов 90% – русские по происхождению, 6,2% названий относятся к финно-угорскому субстрату, 3,8% – восходят к тюркским языкам.

2. В топонимической системе нижнего Прииртышья обнаружены три пространственные модели: 1) верх-низ; 2) близость-удалённость; 3) стороны горизонта / пространственные координаты (север-юг, запад – восток).

3. Модель «верх-низ» наиболее широко представлена в наших материалах. В рамках данной модели преобладают локативные конструкции:

– предложно-падежные конструкции, включающие пространственные предлоги, термины (финно-угорские, тюркские, русские по происхождению) и аппеллятивы, их производные, обозначающие положительные или отрицательные объекты рельефа;

– онимы, образованные префиксальным / префиксально-суффиксальным способом (префикс с пространственной семантикой);

– гидронимы с обско-угорскими детерминативами *сор*, *най*;

– микро-топонимы, в составе которых лексемы Низ, Верх (определения нижний / верхний).

4. В числе наиболее продуктивных пространственных приставок / предлогов – ПОД. В основном подобного рода топонимы именуют сельскохозяйственные объекты (поля, пашни, сенокосы / покосы), которые чаще на исследуемой территории расположены ниже населённых пунктов, рек, дорог, возвышенностей и других ориентиров.

5. Особенностью использования финно-угорских и тюркских по происхождению аппеллятивов в составе микро-топонимов предлагаем считать двойную локативность, заложенную в наименованиях: местный географический термин указывает на рельеф местности, возвышенность (согра, яр), а приставка ПОД имеет пространственную семантику «расположенный ниже чего-то». Немногочисленные топонимы хантыйского происхождения имеют традиционную для обско-угорских языков многокомпонентную структуру,

представляют собой ранний пласт и функционируют в адаптированном к нормам русского языка виде.

6. Модель «близость-удалённость», выражающая расположение географического объекта по горизонтали, по сравнению с моделью «верх-низ» значительно реже встречается в полевых материалах, воплощена в микротопонимах как посредством конструкций с предлогами, префиксацией, так и географическими терминами и их производными. Стоит отметить, что с точки зрения происхождения 42% наименований этой

группы восходят к финно-угорским и тюркским языкам.

7. Пространственная модель «стороны горизонта / пространственные координаты» встречается крайне редко в нашей картотеке и представлена с помощью конверсива – определения «северный».

Итак, определение языковой репрезентации категории локативности в топосистеме нижнего Прииртышья внесёт определённый вклад в формирование представления об основных параметрах описания пространства в топонимии региона.

Список источников и литературы

1. Базарова У. Н. Особенности выражения пространственных отношений локативами в современном китайском языке // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность. Матер. междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2016. С. 236–238.
2. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. 340 с.
3. Васильева С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: дис. ... д. филол. наук. Красноярск, 2006. 326 с.
4. Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во ЛКИ, 1982. 262 с.
5. Гениш Эйюп. Пространственные отношения в турецком языке // Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура. М.: РУДН, 2016. С. 317–321.
6. Гребнева А. М., Казаева Н. В., Натуральнова Г. А. Пространственная лексика и её роль в формировании мордовской топонимической системы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 4. С. 559–567.
7. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
8. Зверева Ю. В. Отражение пространственной модели «ВЕРХ/НИЗ» в микротопонимии Пермского края // Филологические заметки. 2019. Т. 2. № 17. С. 123–136.
9. Зверева Ю. В. О некоторых пространственных моделях в микротопонимии Пермского края // Научный диалог. 2019. № 1. С. 36–49.
10. Лельхова Ф. М. Глагольно-именные послеложные словосочетания, выражающие пространственные отношения в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2012. № 2 (9). С. 58–63.
11. Ли Д., Кобозева И. М. Контрастивное исследование пространственных конструкций на NPloc в русском языке и 在 NP 上 в китайском языке в когнитивном аспекте // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 4. С. 114–130.
12. Маляр Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: дис. ... д. филол. наук. Москва, 2001. 389 с.
13. Морозова Н. Н., Лагута Н. В. Репрезентация пространственного значения глаголами (На материале русских говоров Приамурья) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 1. С. 94–102.
14. Печко Д. М. Лексико-семантические средства выражения локативности в художественном тексте // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2019. № 3 (101). С. 131–135.
15. Плуныян В. А., Рахилина Е. В. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом «под»: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Welt der Slaven-Halbjahresschrift für Slavistik. 2014. Т. 59. № 1. С. 22–56.
16. Полякова Е. Н. Слово СОГРА в пермских памятниках XVII века и в современных говорах Пермской области. Региональная лексикология и ономастика. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 125–132.
17. Прманова Н. А. Пространственные маркеры ойконимической картины мира // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, Кн. 6. С. 184–190.
18. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: Миралл, 2006. 333 с.
19. Сундукова Е. А. Локативные ойконимы севера Удмуртии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). С. 120–123.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Прогресс, 1987. 830 с.
21. Федосеева Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке (семантика и средства выражения): дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 211 с.

22. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Топонимика и этнотопонимика. Тюмень: Изд. Тюм. гос. ун-та, 2005. 1029 с.
23. Хоружая Ю. Н. Система пространственных предлогов немецкого языка (концептуальный подход) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 67–71.
24. Karabaeva S. Presentation of spatial-temporal relations in Kyrgyz language // Труды международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике. Сер. «Интеллект. Язык. Компьютер». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 274–277.
25. Lemmens M. The Semantic Network of Dutch Posture Verbs. The Linguistics of Sitting, Standing, and Lyinged. J. Newman. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. pp. 103–139.
26. Loma Aleksandar. Die Donau(en) des Slavischen Volksliedes und die Frühen Kenntnisse Der Slaven über den Donauroaum // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 62–77.
27. Shelikova N. A., Kharchieva M. R., Guseynova M. M., Kurbetova R. F., Zalova I. M. Features of spatial localization in German and caucasian languages // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 409–411.
28. Zeman S. More than «time»: The grammaticalisation of the German tense system and «frame of reference» as a crucial interface between space and time // Space and time in languages and cultures. Ed. by Luna Filipović, Kasia M. Jaszczolt. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012. pp. 157–180.

References

1. Bazarova U. N. *Osobnosti vyrazhenija prostranstvennyh odnoshenij lokotivami v sovremennom kitajskom jazyke* [Features of expression of spatial relations by locatives in the modern Chinese language]. *Aziatsko-Tihookeanskij region: istorija i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh* [Asia-Pacific region: history and modernity. Materials of the international scientific and practical conference of young scientists]. Ulan-Ude: Burjatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova Publ., 2016. pp. 236–238. (In Russian)
2. Berezovich E. L. *Toponimija Russkogo Severa: jetnolingvisticheskie issledovanija* [Toponymy of the Russian North: ethnolinguistic studies]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta Publ., 1998. 340 p. (In Russian)
3. Vasilyeva S. P. *Russkaja toponimija Prienisejskoj Sibiri: kartina mira* [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: picture of the world]. Krasnoyarsk, 2006. 326 p. (In Russian)
4. Vsevolodova M. V. *Sposoby vyrazhenija prostranstvennyh odnoshenij v sovremennom russkom jazyke* [Ways of expression of spatial relations in the modern Russian language]. Moscow: Izd-vo LKI Publ., 1982. 262 p. (In Russian)
5. Genish Jejjup *Prostranstvennyye odnoshenija v tureckom jazyke* [Spatial relations in the Turkish language]. *Sovremennye problemy tjurkologii: jazyk – literatura – kul'tura* [Modern problems of turkology: language – literature – culture]. Moscow: RUDN Publ., 2016. pp. 317–321. (In Russian)
6. Grebneva A. M., Kazaeva N. V., Naturalnova G. A. *Prostranstvennaja leksika i ee rol' v formirovanii mordovskoj toponimicheskoi sistemy* [Spatial vocabulary and its role in the formation of the Mordovian toponymic system]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (4), pp. 559–567. (In Russian)
7. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005. 540 p. (In Russian)
8. Zvereva Yu. V. *Otrazhenie prostranstvennoj modeli «VERH/NIZ» v mikrotoponimii Permskogo kraja* [Reflection of the spatial model «TOP/BOTTOM» in the microtoponymy of the Perm Krai]. *Filologicheskie zametki* [Philological notes], 2019, no. 2 (17), pp. 123–136. (In Russian)
9. Zvereva Yu. V. *O nekotoryh prostranstvennyh modeljah v mikrotoponimii Permskogo kraja* [About some spatial models in microtoponymy of the Perm Krai]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 1, pp. 36–49. (In Russian)
10. Lelkhova F. M. *Glagol'no-imennye poslelozhnye slovosochetaniya, vyrazhajushhie prostranstvennyye odnoshenija v hantyjskom jazyke* [Verb-nominal post-syllabic phrases expressing spatial relations in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 2 (9), pp. 58–63. (In Russian)
11. Li D., Kobozeva I. M. *Kontrastivnoe issledovanie prostranstvennyh konstrukcij na NPloc v russkom jazyke i 在 NP 上 v kitajskom jazyke v kognitivnom aspekte* [Contrastive study of spatial constructions in NPloc in the Russian language and 在 NP 上 in the Chinese language in the cognitive aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2020, no. 4, pp. 114–130. (In Russian)
12. Malyar T. N. *Konceptualizacija prostranstva i semantika anglijskih prostranstvennyh predlogov i narechij* [Conceptualization of space and semantics of English spatial prepositions and adverbs], 2001. 389 p. (In Russian)
13. Morozova N. N. *Vyrazhenie prostranstvennyh odnoshenij v kognitivnoj semantike* [Expression of spatial relations in cognitive semantics]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2015, no. 4–2, pp. 353–363. (In Russian)
14. Pechko D. M. *Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazhenija lokotivnosti v hudozhestvennom tekste* [Lexico-semantic means of expression of locativity in a literary text]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija 1. Pedagogika. Psihologija. Filologija* [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology], 2019, no. 3 (101), pp. 131–135. (In Russian)
15. Plungyan V. A., Rakhilina, E. V. *Semantiko-sintaksicheskie svojstva russkih konstrukcij s predlogom «pod»: prjamyje (prostranstvennyye) i perenosnye (vremennyye) upotreblenija* [Semantic and syntactic properties of Russian constructions

- with the preposition «under»: direct (spatial) and figurative (temporal) uses]. *Welt der Slaven-Halbjahresschrift für Slavistik, izdatel'stvo Verlag Otto Sagner (Germany)*, 2014, no. 59 (1), pp. 22–56. (In Russian)
16. Polyakova E. N. *Slovo SOGRA v permskih pamjatnikah XVII veka i v sovremennyh govorah Permskoj oblasti* [The word SOGRA in the Perm monuments of the XVII century and in the modern dialects of the Perm Oblast]. *Regional'naja leksikologija i onomastika* [Regional lexicology and onomastics]. Perm: Izd-vo Permskogo gos. un-ta Publ., 2006. pp. 125–132. (In Russian)
17. Prmanova N. A. *Prostranstvennye markery ojkonomicheskoj kartiny mira* [Spatial markers of the oikonymic picture of the world]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of the Kazan University. Humanities], 2011, no. 153 (6), pp. 184–190. (In Russian)
18. Solov'ov V. N. *Hantyjsko-russkij slovar'* [Khanty-Russian Dictionary]. Saint-Petersburg: OOO «Mirall» Publ., 2006. 333 p. (In Russian)
19. Sundukova E. A. *Lokativnye ojkonymy severa Udmurtii* [Locative oikonyms of the north of Udmurtia]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2010, no. 21 (202), pp. 120–123. (In Russian)
20. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol.]. Moscow: Progress Publ., 1987. 830 p. (In Russian)
21. Fedoseeva L. N. *Prostranstvennye otnoshenija v sovremennom russkom jazyke (semantika i sredstva vyrazhenija)* [Spatial relations in the modern Russian language (semantics and means of expression)]. Elets, 2004. 211 p. (In Russian)
22. Frolov N. K. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju: V 2 t. Toponimika i jetnotoponimika* [Selected works on linguistics: In 2 vol. Toponymy and ethno-toponymy]. Tyumen: Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 1029 p. (In Russian)
23. Khoruzhaya Yu. N. *Sistema prostranstvennyh predlogov nemeckogo jazyka (konceptual'nyj podhod)* [The system of spatial prepositions of the German language (conceptual approach)]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2019, no. 12 (2), pp. 67–71. (In Russian)
24. Karabaeva S. Presentation of spatial-temporal relations in Kyrgyz language. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii po komp'juternoj i kognitivnoj lingvistike. Ser. «Intellekt. Jazyk. Komp'juter»*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2016, pp. 274–277. (In English)
25. Lemmens M. *The Semantic Network of Dutch Posture Verbs*. The Linguistics of Sitting, Standing, and Lying. Ed. J. Newman. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. pp. 103–139. (In English)
26. Loma Aleksandar. Die Donau(en) des Slavischen Volksliedes und die Frühen Kenntnisse Der Slaven über den Donauroaum. *Voprosy onomastiki*, 2018, no. 15 (3), pp. 62–77. (In German)
27. Shelikova N. A., Kharchieva M. R., Guseynova M. M., Kurbetova R. F., Zalova I. M. Features of spatial localization in German and Caucasian languages. *The world of science, culture, and education*, 2019, no. 4 (77), pp. 409–411. (In English)
28. Zeman S. More than «time»: The grammaticalisation of the German tense system and «frame of reference» as a crucial interface between space and time. *Space and time in languages and cultures*. Ed. by Luna Filipović, Kasia M. Jaszczolt. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012. pp. 157–180. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакшеева Марина Геннадьевна, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет (6280012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), кандидат филологических наук.

baksheeva.marina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3248-165X

Исламова Юлия Валерьевна, доцент кафедры *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya* русского языка и литературы, Югорский государственный университет (628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), кандидат филологических наук.

islyv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3752-8418

ABOUT THE AUTHORS

Baksheeva Marina Gennadyevna, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (6280012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov st., 16), Candidate of Philological Sciences.

baksheeva.marina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3248-165X

Islamova Yulia Valeryevna, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (628012, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov st., 16), Candidate of Philological Sciences.

islyv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3752-8418